

КОНЕЦ КРОВАВОГО ДЬВОВОЛА

(повесть)

ЧАСТЬ 1

1

... Гузель, попрощавшись с подругой, вышла из подъезда. На улице бушевала февральская метель. Девочка почти уже дошла до своего дома, когда перед ней неожиданно появился человек. Он, приставив нож к горлу, потащил ее в сторону. Как бывает во время страшного сна, голос пропал, поэтому позвать на помощь она не могла. Ноги тоже не слушались.

Когда Леха, пошатываясь, выбрался из пропахшего мочой и кошками подвала, свежий мартовский ветер приятно ударил в лицо, освежая потную шею. Водка, которую Леха только что залихватски опрокинул в себя, приятно согревала нутро, веселила душу: парень казался себе значительным, сильным и умным. Нет, просто классно он сегодня кирнул! Даже Генка-слесарь будто бы зауважал его за это. Вот только мать, зараза... Небось учует, орать будет... Как надоела она со своим дурацким нытьем!

Леха пошарил в кармане, вытащил последнюю мятую сигарету. Хотел было свернуть к пивнушке, которая была за углом, но тут заметил, что впереди, высокомерно переставляя ноги в весенних сапожках, идет крупнозадая высокая девица с копной светлых волос, торчащих из-под надвинутой на глаза шапочки.

"У, сука! Какой зад шикарный! Трахнуть бы ее! Было бы что рассказать Генке и ребятам. В конце концов мне уже семнадцать лет, мужик я или не мужик?! Не буду же я вечно трахаться с самим собой!" - подумав так, Леха прибавил шаг, воровато оглянулся. Тихий безлюдный переулочек, арка, ведущая в заброшенный и заваленный мусором дворик.

Эти бабы словно нутром чувствуют, если позади них кто-то идет. Вот и эта засеменила, затрясла своим задом.

Девушка! - хрипло позвал он. - А постой-ка!

Но девица заспешила. В два прыжка Леха догнал ее, схватил за рукав.

Гузель, увидев перед собой худое, прыщавое лицо подростка

ка, попыталась с омерзением вырвать руку, но не тут-то было. Этот длинный, сутулый недоносок оказался на редкость сильным.

Он толкнул ее в снег, она упала, подскользнувшись, а парень, дыша ей в лицо перегаром, полез к ней под куртку, разорвал блузку, и Гузель с ужасом ощутила его потные руки, похожие на лапы ящера.

- Ну что ты, что ты, тихо, тихо. А-а, мразь, кусаться?! Блядь подворотная, я тебя...

Он ударил ее по голове чем-то тяжелым. Свет померк, и Гузель потеряла сознание.

Вид неподвижной и мягкой, как тряпка, девушки почему-то привел Леху в восторг. Трясущимися руками, забыв обо всем, он начал стягивать с нее джинсы. Белые полные ноги, белый живот - сквозь рваную блузку. В голове у Лехи мелькнуло даже: а может, он убил ее, - и эта мысль вовсе не показалась ему страшной, а наоборот - вот именно сейчас, теперь, он более всего на свете желал вонзить свое неистовое естество в это полумертвое тело не воображаемой, а настоящей женщины. Сейчас! Сейчас...

Но чья-то сильная рука рванула его за воротник, и Леха чуть не задохнулся. Он мгновенно протрезвел, сердце зашлось в липком испуге, он судорожно схватился за сползшие штаны.

Двое здоровых мужиков стояли над ним.

- Ах ты подонки, ты чего делаешь, падла?! Айда в милицию его, Наилы!

- Подожди, что с девчонкой? - встревоженно сказал тот, которого звали Наилем, и наклонился над тихо застонавшей Гузелью. Леха попытался было рвануть от них, он упал от ловко подставленной подножки. Попридержаться хлипкое, неловкое тело Лехи парням не стоило труда. Подняв полуистерзанную девушку, они хотели было хорошенько избить насильника-малолетку, но потом решили все же сдать его в милицию.

- Ну дяденьки-и, пустите, я не буду! По пьяни я, я не буду больше, пустите! - ныл Леха, размазывая слюни и сопли, пока они тащили его в отделение. Позади, пошатываясь, брела Гузель и тихо всхлипывала. Ей казалось, что она уже ничего не помнит - ни своего имени, ни адреса, ни даже лица подонка, который изнасиловал ее...

Потом был суд. Семнадцатилетний подсудимый Алексей Суклетин каялся и плакал. Плакала и худенькая женщина в поношенном пальто, с таким же поношенным, измученным лицом - его мать. То ли подействовали слезы, то ли судей сразила зеленая молодость преступника, но Суклетин получил гораздо более

мягкое наказание из предусмотренных законом. Ему дали всего два года лишения свободы.

Леха чувствовал громадное облегчение. Во время следствия, охваченный страхом, он представлял картину собственного расстрела, ему было страшно жалко себя, он плакал и злился, скрежетал зубами от ненависти ко всем - к тем мужикам, к милиционерам и следователю, к свидетелям и матери, но более всего он ненавидел Гузель, из-за которой произошла вся эта чертовщина. Ненавидел и столь же неистово вождедел; заезженная пленка одних и тех же воспоминаний выворачивала его наизнанку: ее белые ноги, ее живот, ее покорная податливость, ее... Проклятье, с унынием думал он, вот загремит он сейчас, вместо того, чтобы трахать этих баб, одну за другой. И даже засыпая, он видел во сне то Гузель, то ее ноги, то много других голых женщин, и в самых заманчивых позах. Он видел и мужиков, тех проклятых спортсменов, которых, пусть и во сне, он унизил на славу, трахнув и их с превеликим удовольствием.

Ўкрокодиловы слезы помогли. Народный суд назначил ему за совершенное им преступление наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом, в виде двух лет лишения свободы. После провозглашения приговора судья спросил у Суклетина, все ли ему понятно. Довольный вынесенным приговором Алексей, улыбаясь, кивнул головой. При этом судья заметил одну странность в его манерах: когда парсень улыбался, глаза его не улыбались - явный признак злого нрава. Да, перед судьей стоял жестокий, коварный, крайне двуличный и испорченный юноша, который с малых лет не гнушался воровством, баловался спиртными напитками и табаком.

2

Из зала суда конвой доставил Алексея Суклетина в следственный изолятор. Дверь камеры закрылась. Парень, не зная, что делать, стоял, как истукан, возле двери. Кто-то громко крикнул:

- Братва, кого я вижу?! Мой кореш Лешка с нами! Молодчина, Лешка, что поступил в университет преступного мира.

Друзья поздоровались.

- Братуха, где ты так долго мотался, где пропадал?! - обрадовавшись встрече, хлопал Лешку по плечу его друг по кличке Карась. - Я был уверен, что твое место здесь, что ты обязательно придешь в наш мир - мир справедливых, мир мучеников. Не переживай, братан, ты у себя дома! Как говорится, нет худа без добра: через год мы из тебя сострояем настоящего члена нашего братства, помяни мое слово!

- Братва, - обратился Карась к сокамерникам после небольшой паузы, - перед вами тот, о ком я рассказывал. Он в школу еще не ходил, когда задушил котенка соседской девчонки, а в девятилетнем возрасте живьем сжег на костре моего щенка. Мне рассказывали, как Леша ошалелыми и радостными глазами наблюдал, как визжал и горел мой любимый невинный песик.

В камере раздался громкий смех. Смеялись долго.

- За что тебя, такого симпатичного, послушного, примерного ребенка, спрятали сюда? - продолжал Карась. - Ты ведь для нас всегда был живым примером подлости и гадости, все мысли и поступки у тебя были только воровские.

Алексей рассказал свою историю.

- О, братан, дело принимает совсем другой оборот. Влип ты капитально, не завижлив. Хана тебе! Как ты мог попасть по этой постыдной статье? По нашим законам таких, как ты, то есть осужденных за развратные действия в отношении малолетних детей и гомосексуалистов, опускают.

- Как опускают, куда опускают? - спросил ничего не понимающий Леша.

- Пацан, салага! Неужели тебе непонятно? Был ты Леша, станешь Леной...

- Чс-о-о?! - воскликнул Суклестин, вытянув в изумлении физиономию.

- Через плечо! - сердитым голосом ответил друг. - Стало быть, пострадает твоя "девственница".

- Как это? - все не врубался Леша. После объяснения Карася смех в камере повторился. Однако Алексей долго не мог прийти в себя.

Карась без устали, целыми днями "воспитывал" Алексея, давал наставления, учил играть в карты.

- Учись, учись, дружище, играть в карты по-мастерски. Профессия в этих местах почетная и необходимая. Учись выигрывать, проигравший всегда будет за тебя пахать, будет твоим рабом, - твердил он.

Карась, играя в карты, своей ловкостью удивлял всех. Равных ему в этом деле не было. Разговаривал с сокамерниками на непонятном для Алексея языке. Друг разъяснил Лешке также и правила поведения в этих местах.

- Заруби, Леха-братуха, на носу: не вздумай опускать уши, иначе их откусят. При мне, конечно, не посмеют, но совсем скоро ты останешься один в этом волчьем логове. Видишь братву? Каждый из них не прочь тебя попробовать, побаловаться с тобой. Нужно уметь отражать атаку этих волков!

Затем Карась стал учить защищаться. Показывая, как уложить

с одного удара противника, учил принимать стойку, а также приемам борьбы и нанесения оглушительных ударов руками, ногами. У Алексея не получалось ничего. Сердитый Карась орал на всю камеру:

- Лопух, прижми подбородок к телу, нахлебник твой вышибут, правую ногу чуть назад, слегка согни, выпрямляя руку при нанесении удара, вкручивай на себя на сорок пять градусов, одновременно выпрямляй ноги, используй силу мышц спины. Нужно ударять, а не толкать! Удары должны быть резкие, четкие. Ну, ты, баран, зачем глаза-то закрываешь?

А у Леша глаза сами собой закрывались, особенно при появлении перед ними кулака.

Карась диктовал наставления:

- Ешь - потей, работай - мерзни, живи "мужиком" и не вздумай стать козлом.

- Как это? - спросил Леша.

Карась продолжал:

- Не вступай в актив, не выполняй требований начальства, постарайся примкнуть к вора в законе, не вздумай держать связь с козлами-активистами, никогда не общайся с опущенными, отверженными, не стучи начальству. Тебя обязательно, если будешь держаться моих советов, заметят из окружения "законника", и ты внедришься в их ряды. Твое поведение должно быть только воровским, постарайся угодить "законнику", он - наш князь, глава нашего большого семейства. За предательство тебя не только опустят, но и после всего этого перережут горло. Поэтому держись подальше от активистов, начальства, всяких провокаторов, легавых, не иди с ними ни на какие аферы. Ты должен быть для окружения "законника" вне всяких подозрений.

Сообща, всей камерой, придумали для Алексея кличку - Аллигатор. Друзья расстались грустно, поклявшись, однако, что останутся преданными воровским идеям и будут поддерживать связь.

3

Алексей оказался в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних. Хотя Карась и рассказывал ему о несладкой жизни за колючей проволокой, но для него она превратилась в сущий ад. Во-первых, долго спать не давали. Однако будить Лешу всегда было трудно, поэтому использовали разные приемы: то забивали нос зубной пастой, то стаскивали с койки. Когда долго не просыпался, ребята наносили "ласкательные" удары носками ног по мягкому месту. Был случай, когда ему забили нос па-

стой, а он, дыша ртом, спокойно продолжал спать. Тогда остатком "Поморина" ему забили и рот. Но Алексей, проглотив пасту, перевернулся лицом вниз и продолжал дрыхнуть.

Он пытался прикинуться больным, однако симулянта в медсанчасти сразу же раскололи. Добродушный доктор, положив руку на плечо Алексея, сочувственно произнес:

- Суклетин, ты ведь болен, тяжело болен, и болезнь твоя неизлечима.

"Наконец-то! - подумал Алексей. - Обманул старика." Между тем улыбка исчезла с лица доктора. Посмотрев на "больного", он изложил диагноз:

- Парень, ты страдаешь... хроническим воспалением хитрости!

Карась рекомендовал ему филонить, но здесь, однако, заставляли работать. И не только работать, но и выполнять план. Кроме того за семнадцать лет своей жизни ленивый Лешка сумел закончить лишь четыре класса. Поэтому его заставляли и учиться. К тому же требования к учебе тоже были жесткие. Проходили трудные для Алексея дни, недели, месяцы. Он достиг совершеннолетия и был переведен в исправительно-трудовую колонию для взрослых, где был замечен одним из "авторитетов". Алексей сразу же втерся к нему в доверие. Стирал и гладил его грязные трусы, носки. Стал "шестеркой". Обязанности прислуги он выполнял с таким усердием, что работой его шеф не мог нарадоваться. Поведение своего холуя он оценил по-своему. По его мнению, из Суклетина в будущем, мог бы получиться преданный, полезный для него человек. Он обратил внимание на высокий рост, длинные руки Алексея. Немного "дрессуры" - и готов хороший вышибала! Босс стал учить его азбуке бокса. Но очень скоро разочаровался в ученике: тот был крайне ленив. Сумел его кое-как научить лишь боксерской стойке. Кроме того ученик из-за трусости постоянно закрывал глаза. Как ни старался боксер избавить подопечного от дурной привычки - ничего не выходило.

4

Прошло два года. Отбыл свой срок Леха Суклетин и дождался долгожданной воли. Вышел он, спокойный и самодовольный, и не пацан уже, а настоящий мужик, прошедший огонь и воду. Теперь он сам, пожалуй, может кое-чему научить малолеток. А как сыпанет тюремными словечками - так все сразу и заткнется.

Старик Чирок: ты все те же! Грязно-неумытая и разбитная. Правду, твои глаза позакрывали, да кое-кого из друзей нет. Спился Генка-слесарь, чахнет где-то в ЛТП. Да, плевать,

другие найдутся... Все бабы наши будут! Да вот только мать-дурра замучила: "На работу бы тебе, Лешенька!" Какая работа, к черту.

Как-то возле пивной Суклетин встретил Гошку Куликова - Кулика, давнего своего приятеля. Разговорились, толкаясь за тесным столиком, в дымно-пивном чаду маленького сырого зала. Пивко ударило в голову. Долго шарили Кулик и Леха в карманах, да ничего не нашли. А выпить хотелось. Глупо было прекращать такой хороший "базар".

- Есть идея, - предложил Суклетин. - Знаю тут одну старуху, мой друган все к ней ходит плитку чинить. У ней деньжата водятся. Найдет инструменты, придем к ней. А там уж по обстановке, а?

- А че? - пьяно кивнул Кулик и икнул. - Давай! Только без мокрухи, лады?

Сказано - сделано.

Они уверенно постучали в обшарпанную дверь дома, что стоял на самом краю улицы, откосом выходящей к Казанке.

Мария Черткова, одинокая пенсионерка, никогда дверь посторонним не открывала. Но на свой вопрос: "Кто?", - она услышала приглушенный уверенный голос: "Горгаз, с проверкой!" Двое высоких мужиков протопали в кухню, один из них наклонился к плите, а другой, темноволосый и длиннотелый, отойдя к кухонной двери, сказал с усмешкой оторопевшей старушке:

- Давай, бабуля, раскошеливайся, да поживее, а не то пристукнем тебя!

- Да вы что, сыночки!.. Как же это... Ах, пресвятая богородица, да нету у меня ничего и от пенсии ничего не осталось...

- Ну-ну, бабуль, выдумывай... Давай уж по-хорошему! - внушительно вставил Кулик.

- А че с ней цацкаться?! - Суклетин подскочил к старушке и начал заламывать ей руки. - А ты давай сюда тряпку! - крикнул он Кулику.

Связав полуживую от страха жертву, Суклетин воткнул ей кляп, но, подумав, вдруг ударил ее по голове железной статуэткой, что подвернулась под руку. Черткова потеряла сознание, а "газовики" бросились шарить в ящиках стола и комода. Наконец нашли, что искали: тщательно завернутые в тряпицу восемьдесят рублей. Наверное, та самая пенсия, о которой заикнулась старушка. Даже не взглянув на неподвижно лежащую хозяйку квартиры, они поспешно вышли, хлопнув дверью. Дверь, однако, не закрылась, но ни Суклетин, ни Кулик, опьяненные легким успехом, этого не заметили.

Именно это обстоятельство и выручило Марию Черткову.

Минуты через две, когда она с трудом начала приходить в себя, но не смогла ни пошевелиться, ни позвать на помощь, в дверь ее постучали, и она услышала голос соседки:

- Петровна! Дома что ли? Слышь?..

Мария Петровна только глухо простонала в ответ, а соседка, не дождавшись ответа, осторожно заглянула в квартиру...

... Милиция недолго искала преступников, которых Черткова смогла описать довольно подробно. Суклетин и Кулик поленились даже поискать себе местечко подальше и поукромнее - их нашли в ближайшей пивной, за квартал от дома ограбленной пенсионерки.

На сей раз суд не стал либеральничать с боксером-разбойником, определив ему наказание в виде длительного срока - двенадцати лет лишения свободы в колонии строгого режима. Суклетин на забывал советы Карася, всеми силами искал способы сближения с кем-то из окружения "законника". И он добился своего: стал денщиком самого советника князя.

5

Новый шеф Алексея, проворовавшийся торговый работник, был ходячей энциклопедией. Знал наизусть все статьи уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового кодексов, хорошо разбирался в судебной практике. По указанию "законника" сочинял жалобы на приговоры суда. Все больше восхищался Алексей ярким умом своего шефа, который не переставал удивлять его рассказами о великих мира сего, о знаменитых преступниках. В минуты душевных невзгод он часами читал наизусть стихи Блока, Лермонтова, Бунина, Высоцкого и поэтов-эмигрантов. Просвещал "законника" новостями в стране и за рубежом, удивлял его своей эрудицией. Князь однажды в восторге воскликнул:

- Как ты можешь помнить имена президентов, премьер-министров, императоров всех стран, их происхождение, историю их прихода к власти?! Это ведь уму непостижимо! Так и придется тебе отбывать срок наказания до моего освобождения. Поверь, мне будет скучно без тебя, уважаемый.

- Это невозможно, князь! На свободе-то я нужнее буду. Как ты и задумал, многоуважаемый князь, я начну осуществлять твои планы: создадим свой союз и расшатает всю эту коммунистическую державу. Повсеместно, во всех тюрьмах, колониях, зеки будут бунтовать. Мы станем требовать, чтобы каждый "законник" наводил надлежащий порядок в своей зоне. Тех, кто не справится с нашими требованиями, мы заменим другими, более

энергичными, умными, сильными. Шеф, я уверен в успехе нашего дела! Придет время, начнем диктовать свои условия и государству.

Телохранитель князя, здоровенный мужчина, молча подал им на подносе наикрепчайший чай и душистый башкирский мед. Князь, размышляя о чем-то и медленно набивая табаком "Золотое руно" украшенную золотом и серебром трубку, пригласил своего советника к столу:

- Друг мой, самое время чаевничать.

Советник обратил внимание на удивительно красивую кружку, сделанную из драгоценных металлов. Кружку и трубку прислал князю друг, недавно освободившийся из мест не столь отдаленных. Князь, глотнув из кружки темный, чуть ли не смолистый продукт, получаемый путем заварки большого количества чая, с наслаждением сосал трубку. В такие вот минуты никто, даже люди из его окружения, не смел беспокоить князя вопросами. Он расслаблялся и набирал энергию, чтобы держать в повиновении тысячный отряд зеков.

6

... Во дворе колонии, на скамье, лаская своего кота, сидел старик, самый старший по возрасту зек в колонии. Все с уважением звали его дедом. Знавшие его по другим колониям рассказывали, что дед всегда ухаживал за котом. Припоминали такой случай. В Сибири его кота отвезли далеко в тайгу. Спустя много дней он все-таки вернулся. Хоть и выпали все когти, потерял половину хвоста, обморозил все уши, но вернулся к своему хозяину! Дед от радости даже обронил скупую слезу. И вот теперь старик вспоминал то ли тот случай, то ли свои сроки, которые отбывал в разных колониях. Вспоминал, наверно, первую судимость, когда за несколько килограммов зерна ему, совсем еще тогда мальчишке, определили срок, которым теперь наказывают убийц. Может быть, ругал себя за то, что после освобождения, обозлившись на несправедливое наказание и заодно на весь мир, вновь совершил ряд преступлений. Сейчас у него заканчивался срок, но старика никто не ждал на свободу.

Суклетин, не находя себе места, болтался по колонии. Подошел к деду и попытался завязать разговор:

- Читал я в журнале, что кошки здорово успокаивают людей. Нервнобольным стоит прикоснуться к их шерсти, и они сразу успокаиваются.

Старик, честно говоря, ненавидел Суклетина. Недовольный его появлением, он мрачно посмотрел на Алексея, дав понять,

